

П. ГАРД

К ИСТОРИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ГЛАСНЫХ СРЕДНЕГО ПОДЪЕМА

Системам русского, украинского и белорусского ¹ литературных языков свойственны только два гласных среднего подъема: *е* и *о*. Однако в диалектах наблюдается большее разнообразие. В многочисленных русских говорах, разбросанных по всем частям русской языковой территории, существует четыре гласных среднего подъема, которые находятся в оппозиции по признаку «закрытости/открытости»:

<i>ê</i>	<i>ô</i> (закрытые)
<i>e</i>	<i>o</i> (открытые)

Фонемы *ê* и *ô* реализуются либо как закрытые *е*, *о* (гласные «верхнесреднего» подъема), либо в виде дифтонгов типа *ие*, *уо*.

В северноукраинских и некоторых южнобелорусских говорах фонемы *е* и *о* входят в оппозицию с различными дифтонгическими сочетаниями, соответствующими фонеме *і* украинского литературного языка (дифтонги *ие*, *уе*, *уо* и др.²). Если обозначить эти дифтонги общими символами *ие*, *уо*, получится такая система:

<i>ие</i>	<i>уо</i>
<i>е</i>	<i>о</i>

В данной работе ставится задача проследить некоторые моменты истории развития этих гласных. Хотя эта история связана со всеми явлениями фонологических систем данных языков и говоров в целом, представляется все же, что некоторые, хотя и частные, но достоверные результаты могут быть получены путем наблюдения над внутренними соотношениями в системе этих гласных. Мы условно выделим класс «гласных среднего подъема» (т. е. неверхнего и ненижнего подъема) и проследим судьбы всех гласных, принадлежащих данному классу в различных восточнославянских языках и говорах. При этом история этих гласных до их вхождения в данный класс и после их выхода из него рассматриваться не будет. Например, на раннем этапе развития праславянского языка фонологического класса «гласных среднего подъема» не было: фонологически различались только две ступени подъема гласных: верхние гласные *и*, *ь*, *ы*, *ѣ*, *у* и неверхние *ѣ*, *е*, *а*, *о*. Проблема образования отдельного класса, включавшего *ѣ*, *е*, *о*, но не *а*, требовала бы рассмотрения всех вопросов, свя-

¹ Отдельно факты белорусского языка здесь не рассматриваются, так как ни в белорусском литературном языке, ни в говорах нет самостоятельных явлений в области интересующих нас гласных: дифтонгизация *е*, *о* в южнобелорусских говорах происходит в тех же условиях, что в северноукраинских. См.: П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, М., 1954, стр. 57; W. Kułaszkiewicz, Zarzys dialektologii wschodniosłowiańskiej, Warszawa, 1963, стр. 76.

² W. Kułaszkiewicz, указ. соч., стр. 68—69. О том же явлении в русских памятниках см., например: В. В. Иванов, Историческая грамматика русского языка, М., 1964, стр. 180—181.

занных с разложением праславянского вокализма. Этот класс исчезает в системах безударных слогов акающих говоров, которые тоже останутся за пределами нашего исследования.

Известно, что русское *e* восходит к праславянским *ĕ*, *e*, *ь*, а русское *o* — к праслав. *o* и *ъ*. Рассмотрим сначала факты, отражающие эти соответствия, которые составляют основную часть данной системы. После этого можно будет перейти к рассмотрению более частных вопросов: гласные, перешедшие из переднего в задний ряд (т. е. *o* < праслав. *e*, *ь*, русское орфографическое *ѣ*), и гласные полногласного происхождения.

1. Основная часть системы. Русский язык. В русском языке говоры с различением открытых и закрытых *e* и *o*, которые можно назвать говорами «лекинского» типа³, распространены по всем частям русской языковой территории в виде островков. Принято считать, что в прошлом это различие охватывало все русские говоры, так что лекинский тип является прямым продолжением прарусского состояния.

Во всех говорах лекинского типа различие между этими двумя классами гласных наблюдается только в ударных слогах и нейтрализуется в безударной позиции. Так как эта нейтрализация происходит одинаково как и в акающих, так и в окающих говорах, можно полагать, что это самостоятельное явление, генетически не связанное с аканьем.

Происхождение четырех данных фонем известно: 1) *ѣ* и *e* : *ѣ* происходит из праслав. *ĕ* (*бѣс*, *хлѣб*), *e* из праслав. *e* (*цѣпь*, *семьдесят*) и *ь* (*весь*, *отец*); 2) *ѡ* и *o* : а) в начальном слоге *ѡ* происходит из праслав. *o* (*ведѡрѡ*, *высѡк*, *гоѡвѡ*), о из *ъ* (*любовѡ*, *кусѡк*); б) в начальном слоге любое *ъ* отражается как *o* (*бровѡ*, *дочь*, *точка*), в случае же праслав. *o* его рефлекс зависит от акцентуации данного слова: в словах со старым подвижным ударением (ударение в одних словоформах на флексии, в других на начальном слоге слова, с возможностью переноса ударения на проклитику, парадигма с по классификации Х. Станга⁴) праслав. *o* дает *o* (*нос*, *вор*, *ногу*, *корень*, *море*), в словах с другими типами ударения *o* дает *ѡ* (ударение подвижное между флексией и предыдущими слогами, тип *b* по Стангу: *дѡврѡ* — *дѡвѡра*, *вѡхѡдит* — *вѡхѡжѡ*; слова с постоянным ударением на основе, тип *a* по Стангу: *бѡбѡ*, *кѡбуѡ*, *нѡбуѡ*).

Начиная с А. А. Шахматова, открывшего данное явление в лекинском говоре, это различие объяснялось старым интонационным различием циркумфлекса и нового акута⁵. Это объяснение исходило из того факта, что в долгих гласных праславянского языка, по данным всех языков, так или иначе отражающих бывшие интонационные различия, наблюдается то же соответствие между интонацией и акцентуационной парадигмой:

³ См.: А. А. Шахматов, Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии, ИОРЯС, XVIII, 4, 1913, стр. 173—220. Все примеры словоформ говоров «лекинского» типа, приведенные в настоящей статье, взяты из этой работы А. А. Шахматова. Они даются не в транскрипции оригинала, а в русской орфографии, но с употреблением знаков *ѣ*, *ѡ*. О лекинском говоре см. также: С. С. Высотский, О говоре д. Лека, «Материалы и исследования по русской диалектологии», 2, М., 1949. О вокализме диалектов этого типа см.: Р. И. Аванесов, Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка, ИАН ОЛЯ, 1947, 6; е го же, Очерки русской диалектологии, М., 1949.

⁴ См.: Ch. S t a n g, Slavonic accentuation, Oslo, 1957; см. также работы В. А. Дыбо, например: В. А. Дыбо, Акцентология и словообразование в славянском, «Славянское языкознание», М., 1968, стр. 148.

⁵ См.: Л. Л. Васильев, О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. К вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии, Л., 1929, стр. 8—9. Это объяснение стало традиционным в большинстве работ по этому вопросу; см., например: В. И. Бороковский, П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, М., 1963, стр. 139—140; В. В. Иванов, Историческая фонология русского языка, М., 1968, стр. 298.

старое подвижное ударение связано с циркумфлексом в корневом слоге, тогда как ударение на слоге, предшествующем флексии (типа *двѣр*, *вхѣдит*) или суффиксу (типа *вѣля*, *нѣжа*) связано с новым акутом, еще сохранившимся в чакавском: чакав. *králj* «король», *mlātī* «молотит», *žēja* «жажда». Поэтому лекинское закрытое *ѡ* часто определяется как «акутированное *о*» или же «*о* с восходящим ударением».

Очевидное затруднение в этой гипотезе состоит в том, что бесспорные свидетельства об интонационных различиях в остальных славянских языках имеются для бывших долгих гласных, тогда как в русском языке данное противопоставление касается только *о*, т. е. бывшего краткого гласного. Загадка была разрешена Е. Куриловичем, который показал, что происхождение лекинского противопоставления двух *о* можно объяснить без обращения к интонационным различиям кратких гласных⁶. Дело в том, что в словах с подвижным ударением праславянского языка корневой слог никогда не имел ударения: в одних словоформах ударение было на флексии: *водѣ*, *домѣ*, *морѣ*, другие словоформы имели только разграничительное ударение, находящееся чаще всего за пределами данного слова, на проклитике: *нѣ воду*, *из дому*, *за море*, на энклитике: старорусск. *ночѣсь*, *осенѣсь*⁷, совр. *собрался*, *начался* или даже на соседнем слове: нар.-поэт. *таковѡ слово*, *белѣ груди*⁸, сочетания типа *четѣрнацать*, *сегѡдня* (из *четѣре на десять*, *сегѡ дня*).

Из этого можно сделать вывод, что в истории русского языка соотношения обоих *о* в начальном слоге были идентичны тем соотношениям, которые наблюдаются до сих пор в неначальных слогах в говорах лекинского типа, т. е. ударное праслав. *о* > лекин. *ѡ* закрытое, ударное праслав. *ѡ* > лекин. *о* открытое.

В безударной позиции противопоставление обоих *о* нейтрализуется, так что получается всегда *о* открытое.

Любое лекинское открытое *о* в начальном слоге, происходящее из праславянского *о* (не *ѡ*), представляет собой рефлекс гласного, который был безударным в праславянскую и в прарусскую эпохи и который получил ударение вторично, вследствие процесса, который можно называть «реакцентуацией»⁹ и который состоял в ограничении возможности отбрасывания ударения за пределы слова (на проклитику, энклитику или соседнее слово) и в фиксации ударения на начальном слоге бывших безударных словоформ. Если данный начальный слог содержал гласный *о* (любого происхождения), то это *о* при реакцентуации сохраняло свой открытый тембр и поэтому отождествлялось с открытым *о* из праслав. *ѡ* неначальных слогов, а не с закрытым *ѡ* из праслав. *о* тех же слогов: в лекинском говоре *о* в слове *нос* звучит так же, как во втором слоге слова *кусок*, а не как во втором слоге слова *ведѣрѡ*.

Следовательно, формулу перехода от праславянского к прарусскому в области гласных среднего подъема заднего ряда можно свести к следующему: *о* > *ѡ* закрытое, *ѡ* > *о* открытое.

Необходимо сопоставить полученную формулу с общей эволюцией системы гласных, и в первую очередь с судьбой гласных среднего же подъ-

⁶ Е. Курилович, О некоторых фикциях сравнительного языкознания, ВЯ, 1962, 1. Понятие «полнозначных слов, липенных принудительного, неотъемлемого ударения», было введено Р. Якобсоном в работе «Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии» («American contributions to the V international congress of slavists, Sofia, 1963», The Hague, 1963, стр. 161).

⁷ Об этих формах см.: М. Долобоко, Ночь — почесь, осень — осенесь, зима — зимусь, лето — летось, «Slavia», 5, 4, 1927.

⁸ Р. Якобсон, указ. соч.

⁹ Явление «реакцентуации» безударных словоформ подробно описывается в нашей книге: Р. Гард, Histoire de l'accentuation slave (в печати).

ема переднего ряда, т. е. обоих *e*. В данной части системы соотношения следующие: праслав. *ĕ* > прарусск. *ê* закрытое, праслав. *e* > прарусск. *e* открытое, праслав. *ь* > прарусск. *e* открытое.

Интересно, что при переходе от праславянского к прарусскому *e* совпало с *ь*, но *o* не совпало с *ъ*, т. е. совпадение бывшего краткого и бывшего сверхкраткого произошло в переднем, но не в заднем ряду. Это различие можно легко объяснить системными отношениями — наличием в переднем ряду «лишней» фонемы *ĕ*. Эволюцию можно представить в следующем виде.

На определенном этапе развития языка класс гласных среднего подъема состоял из трех фонем: рефлексов праслав. *o*, *e* и *ĕ*. В это время рефлекс праславянских «сверхкратких» *ь* и *ъ* отличались еще от этих трех фонем некоторым добавочным дистинктивным признаком¹⁰. Три фонемы данного класса распределялись так:

$$\begin{array}{l} \hat{e} < \hat{t} \\ e < e \quad o < o \end{array}$$

Гласные переднего ряда различались по признаку «открытости/закрытости», единственный гласный заднего ряда являлся нейтральным в отношении к этому признаку.

В дальнейшем дистинктивный признак, отличавший класс «сверхкратких» *ь* и *ъ* от данного класса, исчез, и оба «сверхкратких» должны были найти свое место в данной системе. Они превратились в открытые гласные среднего подъема. При этом в заднем ряду, где была только одна «нейтральная» фонема *o* (из праслав. *o*), новое открытое *o* (из праслав. *ъ*) противопоставилось старому «нейтральному» *o* (из *o*), которое вследствие этого перестало быть «нейтральным» в отношении к признаку «открытости/закрытости» и превратилось в закрытое *ô*; в переднем ряду, где было уже два *e*, новое открытое *e* (из *ь*) совпало со старым открытым *e* (из *e*), и они вместе оказались в оппозиции закрытому *ê* (из *ĕ*).

Таким образом, получилась система с четырьмя фонемами:

$$\begin{array}{l} \hat{e} < \hat{t} \quad \hat{o} < \hat{o} \\ e < e, \hat{e} \quad o < \hat{o} \end{array}$$

Эта система непосредственно отражена в говорах лекинского типа. В ней есть та симметричность, которой не хватало системе прежнего этапа. Процесс полностью соответствует принципу экономии в фонетических изменениях, определенному А. Мартине¹¹.

У к р а и н с к и й я з ы к. В украинском языке интересующие нас праславянские фонемы имеют разные рефлексy в зависимости от того, находятся ли они в закрытом или в открытом слоге.

В закрытом слоге система украинского литературного языка следующая:

$$\begin{array}{l} i < \hat{t}, e, o \\ e < \hat{e} \quad o < \hat{o} \end{array}$$

(*сѣтъ* > *сѣтъ*, *печь* > *пѣч*, *столь* > *стѣл*, *днь'ь* > *дѣнь*, *сънь* > *сон*).

¹⁰ В рамках настоящей работы нет возможности точно определить, какой именно дистинктивный признак отличал *ь*, *ъ* от всех остальных гласных. Очень вероятно предположение В. В. Иванова («Историческая фонология русского языка», М., 1968, стр. 55) о том, что они отличались просто «сверхкраткостью» (которую в отношении к данной эпохе следует назвать просто «краткостью», так как среди других гласных не было других количественных оппозиций).

¹¹ A. M a r t i n e t, *Economie des changements phonétiques*, Berne, 1955 (русский перевод: А. М а р т и н е, Принцип экономии в фонетических изменениях, М., 1960).

Однако совпадение $\bar{t}$, e , с одной стороны, o , с другой, в виде украинского i — явление, свойственное только литературному языку и сходным с ним южноукраинским диалектам. В северноукраинских диалектах (а также в южнобелорусских) отражается более архаичная система, где на месте фонемы i литературного языка выступают разные дифтонгические сочетания: дифтонги переднего ряда типа ue на месте праслав. $\bar{t}$, e и дифтонги заднего ряда типа yo на месте праслав. o : *сиеть*, *пиеч*, но *стуол* ¹². Поэтому праукраинскую систему закрытых слогов можно восстановить в следующем виде:

$$\begin{array}{lcl} ue < \bar{t}, e & yo < o \\ e < \bar{b} & o < \bar{b} \end{array}$$

В сравнении с этой системой вокализм открытых слогов является неполным. В нем отсутствуют рефлексы праслав. $\bar{b}$, $\bar{z}$, потому что открытые слоги украинского языка (как и остальных современных славянских языков) продолжают слоги, находившиеся в праславянском в позиции перед $\bar{b}$, $\bar{z}$, а в этой так называемой «слабой» позиции праславянские гласные $\bar{b}$ и $\bar{z}$ исчезли: *дьня* > *дня*, *сьна* > *сна*. Поэтому в открытых слогах находятся рефлексы только трех из пяти интересующих нас праславянских фонем: $\bar{t}$, e , o . Соответствия в украинском литературном языке следующие:

$$\begin{array}{lcl} i < \bar{t} \\ e < \bar{e} & o < o, \end{array}$$

в северноукраинских говорах:

$$\begin{array}{lcl} ue < i \\ e < \bar{e} & o < o \end{array}$$

(*сѣти* > *сити*, *сев.-укр. сиети*; *печи* > *печи*; *стола* > *стола*).

Неполнота вокализма открытых слогов, унаследованная украинским от праславянского, дает вполне удовлетворительное объяснение украинской дифтонгизации e , o в закрытых слогах и отсутствию этой дифтонгизации в открытых слогах. Дифтонгизация служит для дифференциации рефлексов бывших кратких e , o и рефлексов бывших сверхкратких $\bar{b}$, $\bar{z}$. Там, где рефлексов сверхкратких не было, т. е. в открытых слогах, не было и дифтонгизации. Эти факты обычно объясняют особенностями закрытых слогов (например, заместительным удлинением следующего слога вследствие падения $\bar{b}$, $\bar{z}$ ¹³), причем не обращают должного внимания на своеобразие открытых слогов, т. е. на унаследованную неполноту их вокализма.

Для украинского следует исходить из системы с максимальной дифференциацией данных фонем, т. е. из системы закрытых слогов северноукраинских говоров:

$$\begin{array}{lcl} ue < e, \bar{t} & yo < o \\ e < \bar{b} & o < \bar{z} \end{array}$$

¹² Об этих дифтонгах см., например: Н. Курьяло, Les voyelles o et e en ukrainien et leur transformation dans les syllabes fermées nouvelles, RESL, 12, 1—2, 1932, стр. 77—88.

¹³ См.: А. А. Шахматов, К истории звуков русского языка, ИОРЯС, VII, 1, 1902, стр. 294; Z. Stieber, L'allongement compensatoire dans l'ukrainien et le haut sorabe, сб. «To honor Roman Jakobson», The Hague, 1967, стр. 1935—1940. Еще менее приемлемо объяснение О. Курило (указ. соч.), согласно которому e , o в южноукраинских говорах перешли в i вследствие ассимиляции закрытому тембру слабых еров следующего слога. Очень сомнительно, что слабые еры оставались тогда еще закрытыми: ни в одном славянском языке сильные еры не имеют рефлексов более закрытых, чем e и o .

Эту систему мы будем называть «праукраинской». Сопоставим ее с определенной выше «прарусской» системой¹⁴:

«Пра русская» система		«Пра украинская» система	
$\acute{e} < \acute{t}$	$\delta < o$	$ue < \acute{t}, e$	$yo < o$
$e < e, \acute{b}$	$o < \acute{z}$	$e < \acute{b}$	$o < \acute{z}$

Как видно, между обеими системами имеется большое сходство. Разница состоит только в судьбе праслав. *e*, которое в русском совпало с *ь*, в украинском же с *ѣ*.

В связи с этим общий восточнославянский процесс можно восстановить путем некоторых уточнений русского процесса.

Начальный этап (общевосточнославянский) один и тот же: система гласных среднего подъема состоит из тех же трех единиц, которые были восстановлены для прарусского:

$$\begin{array}{l} \acute{e} < \acute{t} \\ e < e \quad o < o \end{array}$$

Эта система диссиметрична. Причины диссиметричности известны, они связаны со всей историей славянского вокализма и места фонемы в нем.

Сверхкраткие *ь* и *ѣ* еще стоят за пределами этой системы, вследствие наличия некоторого дистинктивного признака.

На промежуточном этапе (тоже еще общевосточнославянском) вследствие исчезновения этого дистинктивного признака бывшие сверхкраткие входят в систему и становятся наиболее открытыми гласными:

$$\begin{array}{l} \acute{e} < \acute{t} \\ \acute{e} < e \quad \delta < o \\ e < \acute{b} \quad o < \acute{z} \end{array}$$

На этом этапе диссиметричность сохраняется: в переднем ряду представлены три фонемы, а в заднем — только две. Такая ситуация очень неустойчива не только из-за ее диссиметричности, но также из-за наличия трех разновидностей *e*, т. е. пяти ступеней подъема.

На третьем этапе (дифференциация русского и украинского) оба языка устраняют диссиметричность и избыток гласных переднего ряда путем исчезновения фонемы, занимающей среднюю позицию, т. е. рефлекса праслав. *e*, но происходит это по-разному: в русском рефлекс *e* становится открытым и совпадает с рефлексом *ь*, в украинском же он становится закрытым и совпадает с рефлексом *ѣ*.

II. Гласные, перешедшие из переднего в задний ряд. И в русском, и в украинском языке некоторые гласные переднего ряда, происходящие из праслав. *e* и *ь*, превратились в гласные заднего ряда и отражаются чаще всего как *o*. Это явление произошло в неодинаковых условиях в обоих языках: в русском после любого мягкого согласного (*нёс, лёд, шёл, плечо, жизнь*), в украинском только после палатальных (*чоловік, жона, чорт, його*).

По отношению к оппозиции *o ~ δ* русских говоров лекинского типа и к оппозиции *o ~ i* украинских закрытых слогов эти гласные ведут себя

¹⁴ Термины «прарусский, праукраинский» употребляются здесь условно, в смысле «совокупность диалектов древнерусского языка, лежащих в основе современного русского или украинского языка». Мы не касаемся здесь вопроса о том, к каким племенам и местностям относились эти диалекты, в каких памятниках они отражаются.

так: в русских говорах *е* и *ь* в данной позиции отражаются обычно как *о*, но не как *ѵ*: *пашол*, *дружок* ($o < ѵ$); *плечо*, *крыльцо* ($o < e$). В украинских закрытых слогах *ь* $> o$: *жом*, *шов*, но *е* $> i$: *жинка* (ср. *жона*), *чп* (ср. *чона*).

Эти факты можно суммировать одной общей формулой: в обоих языках гласные, перешедшие из переднего в задний ряд, стоят на одной ступени подъема с соответствующими гласными, оставшимися в переднем ряду:

«П р а р у с с к и й»

$$\begin{array}{l} e < ѳ \\ e < e, ѳ \end{array}$$

$$\begin{array}{l} ѵ < o \\ o < ѳ, e, ѳ \end{array}$$

«П р а у к р а и н с к и й»

$$\begin{array}{l} ue < ѳ, e \\ e < ѳ \end{array}$$

$$\begin{array}{l} yo < o, e \\ o < ѳ, ѳ \end{array}$$

Переход гласных из переднего в задний ряд произошел по «горизонтальной» линии, без перемены соотношений по степени открытости. Поэтому можно считать, что этот переход совершился не на предыдущих общевосточнославянских этапах указанных процессов, а на последнем этапе, после слияния *е* с *ь* в русском и *е* с *ѳ* в украинском. Если бы переход в задний ряд имел место на предыдущей стадии развития, до дифференциации обоих языков, то не было бы основания для различий в судьбе *е* : *о* в русском (лекин. *плечо*), но *i* из *yo* в украинском (*жинка*).

III. Гласные из полногласных сочетаний. Гласные среднего подъема восточнославянских языков происходят не только от пяти вышеуказанных праславянских фонем. Они выступают также в обоих слогах полногласных сочетаний *оро*, *ере*, *оло*, продолжающих бывшие праславянские дифтонги *ор*, *ер*, *ол*, *ел* между двумя согласными.

Р у с с к и й я з ы к. В русском языке оппозиция между двумя разновидностями *е* и *о* выступает только в ударных слогах, так что безударные слоги не дают никаких указаний относительно места гласных из полногласных сочетаний в описанных процессах. Среди ударных слогов необходимо различать начальные и неначальные, так как данные оппозиции отражаются в них по-разному. Каждое полногласное сочетание содержит два гласных среднего подъема (два *е* или два *о*), поэтому надо проследить отдельно судьбы первого и второго гласного в этом сочетании. Второй слог сочетания, естественно, не может быть в начальном слоге. Таким образом, выделяются три типа ударных слогов полногласных сочетаний: первые начальные, первые неначальные и вторые (неначальные).

Первый гласный полногласного сочетания в начальном слоге может быть ударным или безударным: *гброд*, *гблову*, но *голова*, *корба*, *молокб*. Если он ударный, он всегда принадлежит к слову с подвижным ударением, и возможно отбрасывание ударения на проклитику: *за город*, *на голову*. Поэтому такие словоформы имели безударное полногласное сочетание в праславянском и древнерусском, и их начальные слоги всегда имеют открытое *о* в говорах лекинского типа¹⁵.

Первый гласный полногласного сочетания в нена начальном слоге никогда не носит ударения: *потолбк*, *огорбд*, *сковородб*. Единственные исключения в современном языке составляют причастия глаголов с полногласным корнем типа *заклотый*, *перемлотый*, где оттяжка ударения со второго слога полногласного сочетания на первый — сравнительно позднее явление¹⁶.

¹⁵ См.: А. А. Шахматов, К истории звуков русского языка, примеч. 3.

¹⁶ В глаголах на *-олоть*, *-ороть* ударение падает на первый слог полногласного сочетания только в причастии прошедшего времени страдательного залога: *заклотый* и на второй во всех остальных формах: *заколбть*, *заколбл* и т. д. Это различие не может восходить к праславянской эпохе, так как тогда сочетание *коло-* было односложным. Об отражении интонационного различия в данном случае не может быть и речи, так как при циркумфлексовой интонации корневого слога ожидалось бы ударение на префиксе: * *збколотый*. Следовательно, такое различие могло появиться только после полно-

Итак, первый слог полногласного сочетания в древнерусском языке ни в начальном, ни в нена начальном слоге не мог носить ударения¹⁷. Ударные слоги полногласных сочетаний находились во втором слоге.

Второй слог полногласного сочетания обязательно находится в нена начальном слоге и может носить ударение. В говорах лекинского типа такие ударные слоги в сочетаниях *оро*, *оло* всегда имеют тембр *ô* (закрытое): *порôбъ*, *корôва*, *молôтишь*, *оборôт*. Поскольку в этой позиции праслав. *o* всегда отражается как *ô* (закрытое), а праслав. *ъ* как *o* (открытое), можно сделать вывод, что в русском языке *o* полногласного происхождения слилось с рефлексом праслав. *o*, а не *ъ*¹⁸.

У к р а и н с к и й я з ы к. Несколько сложнее обстоит дело в украинском языке. Здесь часть гласных полногласного происхождения в закрытых слогах претерпела изменение *o*, *e* > *i*, тогда как другая часть не подверглась этому изменению: *город*, *горох*, *поворот*, но *голів*, *сторін* (род. мн.), *голіека*, *болітце*. Л. А. Булаховский объяснил это различие бывшими интонационными оппозициями праславянского языка¹⁹. По его мнению, полногласные сочетания с переходом второго гласного в *i* в закрытом слоге соответствуют былой новоакутовой интонации, так как они выступают в тех же морфологических категориях, где и новоакутовая интонация или ее предполагаемые рефлексy в южных и западных славянских языках: род. падеж. мн. числа укр. *борід*, *голів*, *ворит*, ср. чакав. *brád*, *gláv*, *vrát*; прошедшее время глаголов укр. *волік*, *зберіг*, ср. чакав. *vlákel*, *brégel*; существительные с уменьшительными суффиксом *-к-* укр. *голіека*, ср. чеш., словац. *hlávka*, польск. *głóuka* и т. д. Гласные *e*, *o* без перехода в *i* наблюдаются во всех остальных случаях: циркумфлекс *вброн*, *зброд*, *хблôд*; старый акут *умолôт*, *горôд* «огород», *колôв* «колот» и т. д.

Объяснение Л. А. Булаховского осложняется всеми затруднениями, связанными с признанием рефлексов былых интонаций в восточнославянском, тем более оппозиции «старого» и «нового» акутов, которые, кроме этого единственного случая, в восточнославянских языках не различаются. К тому же, как это правильно заметил Х. Якше²⁰, оно не соответствует фактам: формы *беріз*, *берізка*, *боліт*, *болітце* нельзя объяснять новым акутом, так как данные корни уже содержат старый акут. Если допустить, как это делает Булаховский, что чередования типа *болота* (им. мн.), *боліт* (род. мн.) возникли вследствие аналогии по модели *колеса*, *коліс*, тогда можно распространить это объяснение на все случаи чередования в полногласных словах: чередование *голова*, *голів* могло возникнуть по аналогии *нога*, *ніг* и т. д. Случаи такого чередования наблюдаются исключительно в известных морфологических категориях, тогда как отсутствие чередования является общим правилом. Впрочем формы типа *голов*, *сторон* без чередования отмечены в разных украинских памятниках²¹.

гласия, и оттяжка ударения в причастии произошла, вероятно, по аналогии с глаголами *на-ать* и *-нуть* (*написать*, *написанный*; *завернуть*, *завёрнутый*), в которых оттяжка ударения имеет соответствия в других славянских языках (ср. серб.-хорв. *написати*, *написан*, *дотакнути*, *дотакнут*) и, вероятно, восходит к интонационному чередованию в суффиксальном слоге. См.: Л. А. Булаховский, Об интонационных суффиксальных дублетах в праславянском языке, ИОРЯС, 31, 1926.

¹⁷ См.: Е. К у р и л о в и ч, указ. соч., стр. 35—36.

¹⁸ Ш. Ж. В е р е н к (Ch. J. V e r e n c, Histoire de la langue russe, Paris, 1970, стр. 18 и 23) считает, что гласный второго слога полногласного сочетания совпал с *ъ*, а не с *o*. Он исходит лишь из данных украинского языка и не учитывает фактов русских говоров.

¹⁹ Л. А. Булаховский. Отражения так называемой новоакутовой интонации древнейшего славянского языка в восточнославянских, сб. «Исследования по лексикологии и грамматике русского языка», М., 1961.

²⁰ Н. J a k s c h e, Slavische Akzentuation II: Slovenisch, Wiesbaden, 1965, стр. 30.

²¹ См.: З. М. В е с е л о в с ь к а, Наголос у східнослов'янських мовах початкової доби формування російської, української та білоруської націй, Харків, 1970, стр. 27.

Итак, первоначально в украинском языке гласные полногласных сочетаний не подвергались дифтонгизации, т. е. они вели себя так же, как рефлексы праслав. гласных *ь* и *ѣ*, но не как рефлексы праслав. *е* и *о*.

Со поставление фактов двух языков. Если сопоставить этот результат с данными русского языка, то появляется значительное затруднение: в русском языке *о* полногласного происхождения слилось с рефлексом *о*, а не с рефлексом *ѣ* (для гласного *е* русский язык не дает никаких указаний, так как *е* и *ь* совпали); в украинском языке *е* и *о* полногласного происхождения совпали с рефлексами *ь* и *ѣ*, а не с рефлексами *е* и *о*.

Если допустить единство происхождения русских и украинских явлений и постараться восстановить «правосточнославянскую» систему, если провести эту реконструкцию по правилам классической компаративистики, то придется признать, что в реконструируемой системе *е* и *о* полногласного происхождения представляли собой отдельные фонемы, которые отличались как от *ѣ* и *ѡ* закрытых (рефлексов *е* и *о*), так и от *е*, *о* открытых (рефлексов *ь* и *ѣ*) и которые после разрушения восточнославянского языкового единства совпали в русском с *ѣ* и *ѡ* закрытыми, в украинском же с *е* и *о* открытыми. Эти предполагаемые фонемы, принадлежащие предполагаемой третьей ступени подъема, промежуточной между *ѣ ѡ* и *е о*, условно обозначим символами *е₃* и *о₃*.

Однако предположение о существовании в правосточнославянской системе таких фонем весьма сомнительно. В парадигматическом плане они представляют собой большую нагрузку для фонологической системы, уже насыщенной гласными. В синтагматическом плане их частотность очень невелика. Поэтому существование таких фонем невероятно.

Дистрибуция предполагаемых фонем — речь идет о вторых гласных полногласных сочетаний — такова, что фонемы *е₃* и *о₃* находятся всегда в одной и той же позиции: после плавных *л* и *р* и перед слоговой границей. Поэтому *е₃* и *о₃* не представляли собой две фонемы, но лишь одну: выбор между *е₃* и *о₃* не имел дистинктивного значения, он был предопределен тембром гласного, предшествующего плавному: после *ор* и *ол* всегда выступает *о₃*, после *ер* — *е₃*. Поэтому *е₃* и *о₃* — это аллофоны одной и той же фонемы *О₃*.

Обратим внимание на дистрибуцию сочетания плавного и *О₃*, например сочетания *рО₃*. Это сочетание выступает только в одной позиции: перед слоговой границей и после гласного полного образования (т. е. после *е*, *о*, а не после сверхкратких *ь*, *ѣ*). Вне этого сочетания *р* может выступать еще в двух позициях: н е п е р е д слоговой границей — случаи типа *перо*, *дары* (*р* после гласного), *братъ*, *простъ* (*р* после согласного), *рѣка*, *рыба* (*р* в начале слова); п е р е д слоговой границей, н о п о с л е сверхкратких *ь*, *ѣ* — *сърдьце*, *търгъ*.

Бросается в глаза, что сочетание *рО₃* находится в дополнительном распределении с *р*, и поэтому надо считать его не сочетанием двух фонем, а позиционным вариантом фонемы *р*. Мы вправе сделать такой вывод, поскольку *о₃* вне таких сочетаний не выступает.

Оказывается, что фонема *р* имеет два позиционных варианта: один слоговой и один неслоговой. Слоговой вариант, который мы до сих пор обозначали знаками *рО₃*, но который можно обозначить как [*p̣*], реализуется в позиции перед слоговой границей и после гласных *е*, *о*: *гордъ*, *бергъ*; неслоговой вариант [*p*] выступает во всех остальных случаях: *перо*, *братъ*, *рѣка*, *сърдьце*, *търгъ* и т. д. То же самое можно сказать о фонеме *л*: *голда*, *молко*, но *пила*, *клинь*, *лапа*, *вълкъ* и т. д.

В связи с этим нет необходимости загромождать фонологическую систему правосточнославянского языка мнимой фонемой *O₃*: соответствующий звук является лишь частью одного из вариантов плавных фонем *л* и *р*. Этот звук превратился в отдельную фонему только тогда, когда его произношение отождествилось с произношением других гласных: *ѣ* и *ѓ* закрытых в русском, *е* и *о* открытых в украинском, т. е. он приобрел парадигматическую самостоятельность только тогда, когда лишился синтагматической самостоятельности. Это сравнительно поздний, не общевосточнославянский процесс, так как он совершился в обоих языках по-разному.

Относительно собственно правосточнославянской эпохи, когда будущее сочетание *ро* в слове *городъ* было еще лишь слоговым вариантом фонемы *р*, возникает вопрос: чем данное состояние отличалось от праславянского? Этот вопрос можно также сформулировать в следующем виде: в чем состоит полногласие? Сочетание *гордъ* ничем не отличается от предположенного для праславянского сочетания *гордъ* в отношении к фонематике, так как оба сочетания состоят из одних и тех же фонем. Но оба сочетания отличаются слогоразделением: *гор-дъ* в старшей форме, *го-р-дъ* в младшей, т. е. тем, что фонема *р* стала слоговой. Это заключение полностью совпадает с общепринятым учением о «законе открытых слогов». Форма *го-р-дъ* со слоговым *Ро* могла служить отправным пунктом и для развития так называемой метатезы в остальных славянских языках (т. е. для появления форм типа ст.-слав. *градъ*, польск. *gród* и т. д.), так что эту «правосточнославянскую» форму можно в конечном итоге считать просто «праславянской». Особенность восточнославянской группы языков состоит только в том, что в ней эта форма сохранялась дольше, чем в остальных группах славянских языков.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

Н. С. ГРИНБАУМ

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА «МИКЕНСКОГО»

(К 20-летию дешифровки М. Вентриса)

В нашей статье «Крито-микенские тексты и древнегреческие диалекты» были подведены первые итоги изучения языка найденных на Крите и греческом материке надписей XIV—XII вв. до н. э.¹ Проблема «микенского» продолжала и в последующие годы привлекать внимание исследователей. Цель настоящего обзора познакомить читателей с ходом дальнейшего обсуждения этого вопроса в научной литературе. Напомним, что спустя пять лет после дешифровки Вентриса существовало несколько точек зрения по вопросу о диалектной принадлежности и о характере микенского. М. Вентрис и Дж. Чедвик полагали, что язык крито-микенских надписей наиболее близок к аркадско-кипрской и эолийской диалектным группам². Э. Риш считал, что «микенский» весьма близок к аркадско-кипрскому и протоионийскому диалектам³. Ф. Адрадос предположил, что «микенский» — переходная ступень между ионийско-аттическим и эолийским диалектами⁴. По мнению В. Георгиева, это смешанный диалект, представляющий собой наложение прааркадско-кипрского (эолийского) и праионийского диалектов⁵.

В 1959 г. А. Шерер в своем очерке о «микенском», включенном в переизданный им второй том работы А. Тумба, приходит к заключению о близости этого диалекта к общей праступени (Vorstufe) аркадского и кипрского⁶. Э. Вильборг в своей грамматике микенского греческого указывает, что нет серьезных доводов, мешающих рассматривать «микенский» как специфический аркадско-кипрский диалект⁷. А. Хойбек в опубликованной в «Glotta» статье становится на сторону Э. Риша, считающего, что до 1200 г. до н. э. предки аттико-ионийского и аркадско-кипрского диалектов были очень близки друг к другу, а «микенский» был близок к обоим⁸. Против Э. Риша выступает Рейх: он обращает внимание на то, что трактовка *r как ор, ро в микенском совпадает с аркадско-кипрским и эолийским⁹. Вопрос о месте микенского среди древнегреческих диалектов оживленно обсуждается на встречах микенологов.

¹ ВЯ, 1959, 6.

² M. Ventris, J. Chadwick, Documents in Mycenaean Greek, Cambridge, 1956, стр. 74.

³ E. Risch, La position du dialecte mycénien, «Études mycéniennes», Paris, 1956, стр. 170.

⁴ F. R. Adrados, Achäisch, Jonisch und Mykenisch, IF, LXII, 3, 1956.

⁵ В. И. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию, М., 1958, стр. 69.

⁶ A. Thumb, Handbuch der griechischen Dialekte, II, hrsg. von A. Scherer, Heidelberg, 1959, стр. 326.

⁷ E. Vilborg, A tentative grammar of Mycenaean Greek, Göteborg, 1960, стр. 22.

⁸ A. Heubeck, Zur dialektologischen Einordnung des Mykenischen, «Glotta», 39, 1960—1961.

⁹ C. J. Ruijgh, Le traitement des sonantes voyelles dans les dialectes grecs et la position du mycénien, «Mnemosyne», 14, 1961.

На состоявшемся в 1961 г. в США третьем микенологическом коллоквиуме были прослушаны два специальных доклада на эту тему¹⁰. Первый, посвященный месту микенского среди прочих греческих диалектов¹¹, был сделан В. Георгиевым, второй — о положении диалекта линейного письма В — А. Товаром¹². В. Георгиев отстаивает свою гипотезу о смешанном характере «микенского», напоминающем гомеровский язык: с одной стороны, в нем встречаются явления, характерные для протоионийского, с другой, для протоэолийского. Вместе с тем «микенский» тесно связан с аркадско-кипрским. Более древним населением Пелопоннеса считает В. Георгиев во II тысячелетии до н. э. протоионийцев (явонцев), которых вытеснили или поработили пришедшие с севера протоэолийцы (айвольтцы). На это указывают, в частности, топонимы, найденные в крито-микенских текстах: около 200 из них связаны с протоионийским, а не с протоэолийским. Возникший таким образом смешанный явонско-айвонский диалект преобладал на Пелопоннесе с XVI по XII вв. до н. э. Это и было протоахейское, или микенское койне. Его прямыми наследниками в I тысячелетии до н. э. являлись, по мнению В. Георгиева, гомеровский и аркадско-кипрский диалект.

А. Товар приходит к заключению, что микенский представляет собой ахейский греческий диалект и связан с южноахейскими диалектами. Отдельные ионийские формы следует считать субстратными: имеются убедительные доказательства приоритета предков ионийско-аттических племен.

Четвертый микенологический коллоквиум, собравшийся в 1965 г. в Англии, обсудил ряд сообщений, связанных с «микенским»¹³. А. Бартошек посвятил свой доклад рассмотрению гипотезы В. Георгиева о существовании микенского койне¹⁴. Признавая ее заманчивость, докладчик в то же время предположил, что это койне могло возникнуть не из простого смешения нескольких диалектов, а в виде наддиалекта на базе одного из них. В случае «микенского» этим базовым диалектом мог быть диалект, весьма близкий к аркадско-кипрскому. В. Георгиев в своем сообщении подтвердил ранее высказанное мнение о «микенском» как о протоэолийском диалекте с протоионийским субстратом, т. е. о своеобразном койне, последний этап развития которого сохранился в гомеровском и аркадско-кипрском диалектах¹⁵. Э. Риш обратил внимание в своем докладе на диалектные различия в «микенском»¹⁶. Несмотря на удивительную языковую однородность, характерную для кносских, пилосских и микенских табличек, в них встречаются в ряде случаев и параллельные формы типа: *posedaone/posedaoni* (Ποσειδάωνι), *pema/pemo* (πέμα), *temitija/timitija* (θεμιστία). Формы, имеющиеся в большинстве табличек, могут быть отнесены к «нормальному микенскому» (дат. на -e, *pemo*, *timitija*), остальные следует рассматривать как «специально микенские» (дат. на -i, *pema*, *temitija*). Первая группа явлений отличает «микенский» от исторического греческого, вторая совпадает с нормой южных и восточных греческих диа-

¹⁰ «Mycenaean studies, Proceedings of the III international colloquium for Mycenaean studies held at „Wingspread“, 4—8 September 1961», ed. by E. L. Bennett, Madison, 1964.

¹¹ V. Georgiev, Mycenaean among the other Greek dialects, «Mycenaean studies...», стр. 125—140.

¹² A. Tovar, On the position of the Linear B dialect, «Mycenaean studies...», стр. 141—146.

¹³ «Proceedings of the Cambridge colloquium on Mycenaean studies», ed. by L. R. Palmer and J. Chadwick, Cambridge, 1966.

¹⁴ A. Bartonek, Mycenaean koine reconsidered, там же, стр. 95—103.

¹⁵ V. Georgiev, Mycénien et homérique: le problème du digamma, там же, стр. 105.

¹⁶ E. Risch, Les différences dialectales dans le mycénien, там же, стр. 150—160.

лектов. Э. Риш склонен думать, что «нормальный микенский» мог быть языком двора или аристократии, а «специальный микенский» — языком низших слоев населения. Первый исчез в связи с катастрофой, погубившей микенские дворцы, второй ее пережил. В своем выступлении К. Галлавотти дал определение «микенского» как протоэолийского диалекта, сохранившего ряд общих специфических явлений с предысторическими языками севера Балканского полуострова. Эти общие черты были выработаны в результате тесного общения эолийцев с населением северной Греции в III—II тысячелетиях до н. э.¹⁷

На микенологическом симпозиуме, состоявшемся в 1966 г. в Чехословакии, был прослушан доклад А. Бартонька «Греческая диалектология после дешифровки линейного В»¹⁸. Проанализировав развитие греческой диалектологии за последние годы, докладчик указал на наличие ряда гипотез относительно характера «микенского». Это, во-первых, минималистская теория, отождествляющая микенский с аркадско-кипрским (Адрадос, Рейх). Это, во-вторых, теория, рассматривающая микенский как диалект аркадско-кипрского и аттико-ионийского типа (Пизани, Риш, Чедвик). Это, в-третьих, теория об аркадско-кипрско-эолийском характере микенского (Палмер, Товар, Лурье). Это, в-четвертых, теория микенского койне, т. е. смешанного языка, базирующегося на ионийско-эолийском (Георгиев), ахейско-ионийском (Гринбаум). Какая из этих теорий наиболее близка к истине, пока еще определить трудно. Выяснению этого могло бы способствовать разрешение микенологами целого комплекса вопросов. Первая группа этих вопросов касается происхождения диалектных различий в древнегреческом языке, вторая — образования и характера самого «микенского», третья — возможного влияния «микенского» на диалекты классического периода. Участникам встречи в Брно была роздана анкета, составленная А. Бартоньком и включающая названные выше вопросы. Ответы ученых различных стран были опубликованы вместе с материалами симпозиума¹⁹. Оставляя в стороне вопросы первой и третьей группы, рассмотрим подробнее ответы, касающиеся происхождения и характера «микенского». Дж. Чедвик склоняется к мнению, что «микенский» был смешанным (composite) языком, выработанным как язык двора и базирующимся на более чем одном местном диалекте. В. Коугил полагает, что «микенский» связан с диалектным ареалом, включающим предков более поздних аттико-ионийского и аркадско-кипрского диалектов. М. Петрушевский считает, что носителями микенского греческого были древние ахейцы, следы которых сохранились в надписях Аркадии, Кипра и Памфилии. К. Рейх относит «микенский» к ахейскому, предку аркадского и кипрского диалектов. В. Мерлинген определяет микенский как древнейший греческий диалект, мало чем отличающийся от других; он стал письменным языком верхних слоев общества. П. Ватле предполагает, что «микенский» был общим языком, выросшим из говоров Пелопоннеса и весьма близким к диалектам Аркадии и Кипра. И. М. Тронский поддерживает теорию, согласно которой язык микенских документов представляет собой некое койне, в котором, однако, центрально греческие элементы (не тронутые еще лабиовелярные, род. падеж на -οιο и т. д.) играют весьма значительную роль. Койне при этом, по мнению Тронского, следует рассматривать как наддиалектную норму. Тронский считает возможным постулировать, наряду с документальным койне, также и поэтическое койне микенской эпохи.

¹⁷ C. Gallavotti, Quelques remarques de morphologie, там же, стр. 180—290.

¹⁸ «Studia Mycenaea, Proceedings of the Mycenaean symposium. Brno, April, 1966», ed. by A. Bartonek, Brno, 1968, стр. 37—51.

¹⁹ Там же, стр. 155—210.

На Первом международном микенологическом конгрессе в Италии в 1967 г. с докладом «Относительно греческого микенского диалекта» выступил французский исследователь М. Лежен²⁰. Он напомнил, что уже первый анализ «микенского» привел к заключению, что этот диалект не содержит ни одной специфической дорийской черты. Вместе с тем были найдены общие диалектные черты микенского, с одной стороны, и аркадско-кипрского, ионийско-аттического и эолийского — с другой. Микенское койне, по мнению М. Лежена, было искусственным языком. Это язык, которому в школах обучали микенских писцов. Он, возможно, сначала был в употреблении во дворцах, а потом распространился в качестве технического на греческий мир. Его основу составлял аркадско-кипрский диалектный тип.

О. Семереньи определил в своем докладе «микенский» как столбовой камень между индоевропейским и историческим греческим²¹. Дешифровка линейного письма В добавила полтысячелетия к документированной истории греческого языка и принесла большую лингвистическую информацию. Появилась возможность найти ответ — особенно в области морфологии — на вопрос о времени возникновения и характере ряда инноваций исторического греческого языка. О. Семереньи рассматривает наиболее важные явления «микенского» по отношению к индоевропейскому. К архаизмам он относит: 1) лабиовелярные согласные (серия *q*-); 2) активное перфектное причастие с *s*-основой (ср. *ararishwoa*); 3) сравнительную степень прилагательных *s*-склонения (ср. *mezoe*, *mezoa₂*); 4) двойственное число $\bar{a}$ -основ на *o* (ср. *topezo*); 5) первоначальное различие между инструментальным и локативно-дательным падежами; 6) сохранение некоторых *m*-основ вместо позднейших основ на *-n*; 7) глагольные окончания *-toi*, *-vtoi*; 8) лексические архаизмы: а) *i-ja-te*, *ia^hir* вместо позднейшего *ia^hros*, б) второй член *-diwēs* в словах *ti-ri-jo-we*, *qe-to-ro-we*, *a-no-we* доказывает, что позднейшее *oūs*, *ōtós* «ухо» имело в микенское время форму **owos*/**oweos*, а не **owos*/**owatos* (однако наличие в Кноссе прилагательного *a-no-wo-to* доказывает, что появление основы **owat* могло иметь место уже внутри греческого языка). Инновациями, обнаруженными в микенском греческом, Семереньи считает следующие факты: 1) индоевропейские звонкие придыхательные уже перешли в глухие придыхательные; 2) индоевропейское *s* уже перешло в *h*; 3) завершено развитие групп *ty*, *ky*; *dy*, *gy*; 4) начальное индоевропейское *y*- уже перешло в ζ или *h*; 5) уже закончена замена окончаний мн. числа *o/a*-основ *-ōs*, *-ās* окончаниями *-oi*, *-ai*; 6) $\bar{a}$ -основы муж. рода уже перешли от склонения *-ā/ās* к склонению *-ās/-āo* (*-āo* из более раннего *-ājo*); 7) именной суффикс *-zu₂* и соответствующий ему женский *-eja* (*ijereu/ijereja*) обнаруживают большую продуктивность; 8) формирование прилагательных с суффиксом *-went* в жен. роде на *-wessa* вместо более древнего *-Wx₂xa*; 9) тематические глаголы на *-ew*; 10) первые случаи появления аугмента; 11) лексической инновацией являются собственные имена типа *Késsax₂δros*, *’Aleξ₂ax₂δra*. Итак, «микенский» представляет собой, безусловно, греческий язык. Характерные черты, отличающие его от других индоевропейских языков, уже совсем четко развиты.

М. Дуранте в результате рассмотрения языковых отношений в микенской и позднейшей Греции приходит к заключению, что исторические греческие диалекты являются продолжением не микенского койне, представ-

²⁰ «Atti e memorie del I Congresso Internazionale di micenologia, Roma, 27 IX — 3 X 1967», I, Roma, 1967, стр. 233—238.

²¹ O. S z e m e r e n y i, Mycenaean: a milestone between Indo-European and historical Greek, там же.

ленного в табличках, а народных диалектов микенского периода ²². Междиалектное же койне обслуживало различные стороны микенской цивилизации, связанные с жизнью образованных слоев общества.

Диалектной позиции микенского отводит один из разделов своей книги «Руководство к изучению микенского» М. Дория ²³. Подвергнув рассмотрению существующие по этому вопросу гипотезы, он приходит к заключению, что несмотря на некоторые совпадения с эолийскими диалектами, микенский не может быть причислен к эолийско-аркадско-кипрской системе, а принадлежит ко всей семье южных греческих диалектов.

В 1966 г. был опубликован доклад американского исследователя В. Коу-гила «Древнегреческая диалектология в свете микенского» ²⁴. Автор полагает, что несмотря на однородность текстов, написанных линейным В, уже во II тысячелетии до н. э. имела место диалектная дифференциация в южной Греции. Не исключено наличие микенского койне, которое, однако, не устраняло внутренних диалектных различий. Ряд инноваций, не известных в других местах, показывает, что язык табличек не мог быть прямым предком аркадско-кипрского. К тому же в микенском царстве имелись по меньшей мере три речевых разновидности. Ионийский и аркадско-кипрский сосуществовали в микенский период. Можно предположить, что ионийский был языком правящих кругов, а аркадско-кипрский обслуживал низшие слои населения.

Вопрос о микенском как греческом диалекте был рассмотрен вновь в 1968 г. итальянским исследователем К. Галлавотти ²⁵. Он отклоняет ряд высказанных другими учеными предположений. К. Галлавотти убежден в том, что «микенский» следует определить как протоэолийский диалект. Доказательства этого он видит как в сведениях греческих историков, так и в языковых особенностях. В частности, им приводятся такие общие для микенского и эолийского явления, как огласовка *o* (при обычном *α*) в *qetoro*:- эол. *петро*:-; *u* (при обычном *ο*) в *ari*:- эол. *ἄπῡ*; *i* (при обычном *ο*) в *i-re*-(*ἰπερ*):- ср. эол. *ἰφου*; прилагательные на *-ιος* (при обычном *-εος*) в *kakijo* (*χάλλιος*): ср. эол. *χρῖσιος*; окончание род. пад. ед. числа *o*-основ *-ojo/-o*: эол. (фесс.) *-οιο/-οι*; суффикс *-pi*: эол. *-φι*; патронимические прилагательные на *-ijo*: эол. *-ιος* (*etewoklewajo*, ср. *Τελαμώνιος*) и др. Ряд элементов сближает «микенский» с аркадским: глагольное окончание 3-го лица ед. числа *-toi* (при обычном *-tai*), формы *pei* (*σφεῖς*, при обычном *σφίσι*); *posi* (*πός*, при обычном *ποτί*). Единственным чисто ионийским (и аттическим) явлением К. Галлавотти считает союз *ote*, т. е. *ὅτε* в отличие от эол. *ὅτα*, дор. *ὅχα*. Он отмечает, что нельзя говорить отдельно об ионийцах и эолийцах в XIII — XII вв., как это принято для IX в.; однако можно предполагать, что язык микенцев нашел скорее свое продолжение в митиленском наречии Сафо и Алкея, чем в аттическом Солона и Писистрата.

В своей книге об эолийских чертах в языке греческой эпопеи П. Ватле высказывает резко отрицательное отношение к гипотезе о микенском койне, ссылаясь на поразительное единство «микенского» в Пилосе, Микенах и Кноссе ²⁶. Он полагает также, что «микенский» не мог быть предком

²² M. Durante, Vicende linguistiche della Grecia tra l'età Micenea e il medioevo Ellenico, там же, II.

²³ M. Doria, Avviamento allo studio del miceneo: struttura, problemi e testi, Roma, 1965, стр. 72—77.

²⁴ W. Cowgill, Ancient Greek dialectology in the light of Mycenaean, «Ancient Indo-European Dialects», Los Angeles, 1966, стр. 77—95.

²⁵ C. Gallavotti, Sulla definizione del miceneo come dialetto Greco, «Studi Micenei ed Egeo-Anatolici», V, Roma, 1968.

²⁶ P. Wathélet, Les traits éoliens dans la langue de l'épopée grecque, Roma, 1970, стр. 26.]

ионийско-аттического диалекта, хотя не исключено наличие особых связей между более ранней его формой и последним. Вопрос о «микенском» рассматривается попутно и И. М. Тронским в статье, посвященной гомеровскому языку²⁷. «Реальные говоры микенской Греции», указывает он, «принадлежали к протоэолийским и к протокипрским ветвям, родственным протоионийским»²⁸. Микенский — смешение этих ветвей и не содержит в себе ничего, что не принадлежало бы по крайней мере одной из них. И. М. Тронский высказывает свое согласие с В. И. Георгиевым, определившим гомеровский язык как заключительный этап развития «крито-микенского койне». В своей последней книге «Вопросы языкового развития в античном обществе» И. М. Тронский обращает внимание на специфический характер крито-микенских памятников. В отличие от литературных и эпиграфических текстов они представляют собой редко встречающийся жанр деловой прозы, образец «хозяйственно-канцелярской подсистемы греческого языка»²⁹. В них относительно мало глагольных форм (всего около 60 финитных), редко встречаются местоимения и служебные слова, зато много нарицательных имен существительных и прилагательных, большое количество собственных имен. И. М. Тронский отмечает, что в памятниках, написанных микенским линейным письмом В, почти нет диалектных различий, «где бы эти документы ни составлялись, в Кноссе или в Пилосе, в Микенах или в Фивах». «Уже это обстоятельство, — продолжает автор, — наводит на мысль, что для документальных материалов употреблялся некий *наддиалект*»³⁰.

Сделанный выше обзор, несмотря на его неполноту³¹, отражает в основном, как нам представляется, ход обсуждения и современное состояние проблемы «микенского». Попытаемся подвести некоторые итоги развернувшейся дискуссии.

1. Является ли микенский самостоятельным диалектом или он представляет собой смесь диалектов — своеобразное архаическое койне?

Следует заметить, что последняя гипотеза, выдвинутая впервые болгарским ученым В. Георгиевым, приобретает все больше сторонников. При этом было уточнено само понятие микенского койне: в настоящее время под ним подразумевается наддиалект, образовавшийся на базе реальных диалектов или диалектных ветвей микенского языкового ареала.

В поддержку этого предположения говорит ряд обстоятельств. Важнейшие из них — смешанный характер языка самих крито-микенских текстов, отсутствие его прямых наследников в послемикенский период. Противники теории микенского койне ссылаются на то, что все греческие диалекты микенской эпохи были в той или иной степени смешанными, а язык крито-микенских текстов един. Верно, что почти все греческие диалекты отличаются смешанным характером, но решающей является именно степень и характер смешений: «в микенском» эта степень намного выше обычной. Верно, что язык кносских и пилосских табличек един, однако очевидно и то, что этот язык неоднороден в диалектном отношении.

²⁷ И. М. Тронский, *Язык Гомера*, ВЯ, 1971, 3.

²⁸ Там же, стр. 110.

²⁹ И. М. Тронский, *Вопросы языкового развития в античном обществе*, Л., 1973, стр. 87.

³⁰ Там же, стр. 99.

³¹ Некоторые исследования остались, к сожалению, для меня недоступными, в частности: M. Doria, *La posizione dialettale del miceneo*, «Corso di filologia micenea» Trieste, 1967; L. Eire, *Panorama actual de la dialectologia griega*, «Estudios Classicos», 12, 1968.

К лингвистическим соображениям И. М. Тронский добавляет и историко-социологическое, указывая, что «высокая цивилизация на обширном ареале не может обойтись без наддиалектных средств общения»³².

2. Каково происхождение и функции микенского? Ряд исследователей высказывает мнение, что микенский был искусственным образованием, созданным для нужд двора кноссских и микенских царей. Другие полагают, что на нем говорили и писали высшие слои микенского общества, в то время как низшие слои пользовались народными говорами.

Несостоятельность первой точки зрения очевидна. Она основывается на бытующем еще в зарубежной литературе представлении о формировании древних диалектов и языков как сознательном и управляемом процессе. «Диалекты,— писал В. М. Жирмунский,— это социально-исторические образования, возникшие в определенных реальных условиях общественной жизни, в постоянном взаимодействии с другими, соседними родственными диалектами в процессе дифференциации и интеграции, смешения и выравнивания, а также в результате влияния посторонних субстратов, суперстратов и адстратов»³³. Несомненно, что и «микенский» не создавался для нужд двора, а объективно сложился в определенных социально-исторических условиях. Другое дело, что он оказался пригодным и был использован в функции языка хозяйственных текстов во дворцах Кносса, Пилоса и Микен. Предположение М. Лежена, что «микенский» сначала был искусственно создан во дворцах, а затем в качестве технического языка был распространен на греческий мир, представляется нам неприемлемым. Со второй гипотезой можно согласиться лишь частично. Несомненно, что складывание наддиалекта в микенское время являлось результатом усилившихся экономических, политических и культурно-религиозных связей между греческими племенами. Однако этим наддиалектом пользовались не все население, а главным образом те его слои, которые находились в постоянном сношении с другими племенами. Это могли быть, прежде всего, представители знати, но не только. Общим наддиалектом пользовались, по-видимому, и торговцы, жрецы, придворные писари. Наличие наряду с хозяйственным и постулируемого И. М. Тронским поэтического койне предполагает в свою очередь, что им владели в совершенстве микенские поэты, тесно связанные с народной средой.

3. Каков диалектный характер «микенского»? Большинство исследователей согласно с тем, что «микенский», если его рассматривать с позиций известных нам греческих диалектов I тысячелетия до н. э., представляет собой смешанный диалект или наддиалект. Все согласны и с тем, что «микенский» не принадлежит к западногреческой диалектной группе, к которой относится дорийский. Никто из ученых не отрицает определенной близости «микенского» к аркадско-кипрскому диалекту. Основные разногласия относятся к связям «микенского» с ионийско-аттической группой, с одной, и эолийской, с другой стороны. Сторонниками каждой из этих гипотез приводятся убедительные доказательства (языковые явления, встречающиеся в крито-микенских текстах) в подтверждение своей точки зрения. Они свидетельствуют о действительном присутствии в «микенском» элементов протоэолийского, ахейского и протоионийского диалектов. Вопрос только в том, какие из них считать главными, какие второстепенными. Автор этих строк продолжает придержи-

³² И. М. Тронский, Вопросы языкового развития в античном обществе, стр. 101.

³³ В. М. Жирмунский, Существовал ли «протогерманский» язык?, ВЯ, 1971, 3, стр. 3.

ваться мнения, высказанного в ответе на соответствующий вопрос анкеты А. Бартонека: «Микенский не является самостоятельным диалектом. Его нельзя считать и предшественником какого-либо из греческих диалектов. Это южная разновидность микенского койне, возникшего первоначально в северной Греции и распространенного впоследствии на Пелопоннес. В ее основе лежат ахейско-ионийские элементы. Первые относятся, главным образом, к области фонетики и морфологии и часть из них удается обнаружить в надписях Фессалии, вторые — больше к лексике. В отличие от северного койне, испытавшего на себе влияние эолийского диалекта, микенский подвергся определенному влиянию аркадско-кипрского, равно как и местного субстрата Пелопоннеса и о. Крита»³⁴.

³⁴ «Studia Mycenaea, Proceedings of the Mycenaean symposium. Brno, April, 1966», стр. 177—178.